

Гюльназ Лежнева

ТАМУК

BLACK SHEEP BOOKS

eller
1111

Гюльназ Лежнева

Тамук. Ляйсан

«Белая ворона/Albus corvus»

2024

Лежнева Г.

Тамук. Ляйсан / Г. Лежнева — «Белая ворона/Albus corvus»,
2024

ISBN 978-5-00114-510-3

В глухой башкирской деревне семилетняя Наиля привычно садится смотреть телевизор, который давно ничего не показывает. Но если долго вглядываться в серую рябь, то там появятся два батыра – Урали Шульген, – и окажется, что и сама Наиля вовлечена в вечную борьбу добра со злом в фантастическом мире башкирского эпоса, полном хтонических чудовищ, оборотней и первобытного ужаса. В книгу вошли роман «Тамук» и повесть «Ляйсан». Автор книги победила в номинации «Серебряное перо» IV сезона Литературного конкурса «Белой вороны».

ISBN 978-5-00114-510-3

© Лежнева Г., 2024

© Белая ворона/Albus corvus, 2024

Содержание

Тэмук	6
Глава 1. То самое место, которое поцеловал Эрлик	6
Глава 2. Дорогой птиц за живой водой	9
Глава 3. Ходила по ягоды – женихов набрала	11
Глава 4. Два лебедя	14
Глава 5. Обостренное обоняние	16
Глава 6. Подруги и женихи	20
Глава 7. Жена должна во всем помогать своему мужу	25
Глава 8. Гульстан	27
Глава 9. Тэмук в кривых зеркалах	29
Глава 10. Смерть батши Катила	32
Глава 11. Аджаха	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Гюльназ Лежнева

Тэмук. Ляйсан

© Г. Лежнева, 2024

© ООО «Издательство Альбус корвус», 2024

Тэмук Повесть

Глава 1. То самое место, которое поцеловал Эрлик

Старуха Янбике¹ вглядывалась в небо – солнце опустилось за гору, окрасив брюхо облаков кровью. Там, наверху, что-то сверкало и переливалось в уходящих лучах. Зрение у Янбике было ни к шайтану, а от долгого напряжения ей и вовсе почудилось, будто крылатый змей тащит птицу-лебедь в пасти.

Янбике сплюнула в траву.

– Тьфу ты, щего только не привидится сослепу!

Маленькое белое перышко падало, покачиваясь, кружась, поблескивая и звеня. Янбике хотела поймать, но ветерок перехватил перо и унес к дому. Она снова посмотрела в красное небо, пытаясь разглядеть лебедь, но ничего больше не увидела. Вздохнула и пошла в сарай – доить корову.

Молока не было – маленький бычок высосал почти все.

– Ах, штоб Шайтан² тебя! – погрозила бычку Янбике.

Выдоила остатки и налила в миску бесей³.

Когда Янбике, гремя подойником, подошла к дому, сумерки уже опустились на двор. У двери что-то лежало. Вскрикнув от неожиданности, она выронила ведро, потерла глаза. Так и есть: на крыльце лежал ребенок, завернутый в белую, тонкую как паутина пуховую шаль. Его золотые волосы тихо звенели на ветру...

– Батюшки! Подкинули ребенка! Это все ты, Шайтан? – крикнула Янбике.

Взяла младенца на руки и поспешила к калитке.

– Где же твоя мать? Сейчас-сейчас, мы ее отыщем.

Янбике вышла со двора – пустынная проселочная дорога. Ни души: хоть влево смотри, хоть вправо. Она посмотрела и туда, и туда, а потом в небо: уже показался бледный серп луны. Никого. Янбике постояла растерянно и хотела идти обратно, но взгляд ее упал на ворота. На створке, сколоченной из деревянных досок и выкрашенной голубой краской, проступали золотые лебеди в коронах – словно их вырезал очень скорый на работу мастер. Янбике дождалась, когда лебеди проступят полностью, провела ладонью по изогнутой шее. Короны лебедей вспыхнули на мгновение и погасли. Янбике прижала к себе ребенка.

Дома она развернула подарок – там оказалась прехорошенькая девочка. На груди у нее висел кулон – крылатый лев с тремя лапами. Янбике сняла его и пошла вглубь дома. В полумраке комнаты тускло поблескивали стеклянные дверцы серванта. Внутри лежала старая потемневшая ракушка. К стенкам ее присохла кровь, но она давно не пахла железом и казалась обыкновенной темной краской. Янбике открыла сервант и положила кулон на пыльную полку рядом с ракушкой. Девочка на кухне заплакала, и Янбике вернулась к ней.

– Буду звать тебя Наилей⁴, – сообщила она.

¹ Йәнбикэ (Янбикé) – прародительница, душа-госпожа, душа жизни, мать человеческого рода (*башк.*). – *Здесь и далее – примеч. авт.*

² Шайтáн – в исламском богословии представитель категории злых духов, враждебных Аллаху и людям. Слово «шайтан» синонимично библейскому термину «Сатана».

³ Бесэй (бесей) – кошка, кот (*башк.*). У башкир не было принято давать имена кошкам и собакам.

⁴ Йәнбрдэ (Янбирдé) – давший жизнь (*башк.*).

Зря Янбике вылила молоко кошке. Пришлось поставить на печь миску со вчерашним – подогреться. Наиля все плакала, и Янбике, покачивая ее, принялась рассказывать:

– Когда-то давным-давно землю, на которой мы теперь живем, окружало море. Ни дивы, ни люди, ни боги не знали об этой земле. А жили здесь Янбирде⁵, его жена и два их сына – Урал и Шульген. Арслан⁶ их возил на охоту. Сокол бил для них птицу. Щука рыбу ловила...

Наиля притихла. Пока она слушала, Янбике кормила ее теплым молоком с ложечки. Наедаясь, Наиля моргала все медленнее, пока совсем не заснула. Янбике бережно положила свой «подарок» на кровать.

* * *

Каждый день, выходя за калитку, Янбике ждала, что встретит там мать Наили. Месяц ждала. Два. Три. Год. Три года.

– Скоро за тобой придет мама, – говорила Янбике Наиле.

– Не придет, а прилетит, – отвечала Наиля.

– Значит, она птица?

Но Наиля не знала, птица ли она.

Они прождали еще несколько лет.

– Может быть, когда-нибудь за тобой прилетит твоя мама.

– Прилетит? Она что же, птица, что ли?

И Янбике не знала, есть ли мама у Наили.

Они прождали еще.

– А когда за мной придет мама? – спрашивала Наиля.

– Когда придет, мы сразу же увидим, – вздыхала старая Янбике. – А што ты помнишь про маму?

– Ничего не помню.

– А раньше ты помнила, што она летает.

– Правда? А что я еще помнила?

Янбике разводила руками.

– Больше ты нищего не помнила, а я твою маму никогда не видела.

* * *

– Янбике, Янбике! Пульт от телевизора пропал! Вот только что был тут, а теперь его нет!

Янбике как раз вынимала из печи противень с пирожками. Она высыпала румяные пирожки в миску, вытерла руки о передник и подошла к Наиле.

– Где был? Тут? Уверена? Ну, если ты уверена, то надо сказать: «Шайтан-Шайтан, поиграл – и отдай!», а потом идти щай пить с пирожками, а когда вернешься, пульт на месте будет. Если, конечно, Шайтан наигрался.

Янбике налила в цветастые чашки молока, а поверх молока крепкую черную заварку и подвинула чашку с блюдцем Наиле. Та громко отхлебнула горячий чай: «Ц-ца!»

– Зачем же тебе пульт, дощка? У нас же телевизор показывает только серую рябь.

– Серую рябь я и хотела посмотреть, – с жаром согласилась Наиля. – Зачем же нам телевизор, если хоть иногда его не смотреть.

Когда Наиля вернулась к телевизору, пульт и правда лежал там, где ему и положено.

⁵ Подарок (араб.). У башкир это имя появилось с принятием ислама.

⁶ Лев (тюрк.).

– Спасибо, Шайтан, – прошептала она.

Нажала красную кнопку на пульте – включилась та самая рябь. Наиля завернулась в шаль. Янбике села рядом, и они стали смотреть. Долго и непрерывно вглядывались в рябь, пока там не появились два батыра – Урал и Шульген.

Шульген уговаривает Урала нарушить запрет отца, Урал отказывается, и Шульген пьет кровь один. Его алое сердце заливается черной липкой кровью – кровью непослушания.

Наиля испугалась, выключила телевизор.

– Янбике! Расскажи сама про Шульгена и Урала!

– Почему же не рассказать, – согласилась Янбике. – Слушай.

Глава 2. Дорогой птиц за живой водой

– Когда-то давным-давно землю, на которой мы теперь живем, окружало море. Ни дивы, ни люди, ни боги не знали об этой земле. А жили здесь Янбирде, его жена и два их сына – Урал и Шульген.

Арслан их возил на охоту.

Сокол бил для них птицу.

Щука рыбу ловила.

Вокруг пещеры, в которой жили, они расставляли силки.

Но когда встречался Янбирде хищный зверь, то он нападал на него, побеждал и выпивал кровь зверя. А щасть оставлял про запас. Так Янбирде забирал у хищного зверя его силу и сам становился хищником.

Шульген и Урал щасто видели, как отец пьет кровь из ракушки, и тоже хотели попробовать. Но Янбирде сказал, што можно пить кровь только того зверя, которого ты убил сам.

Шульген не поверил отцу, он думал, што отец боится, как бы сын не стал сильнее его. И решил выпить кровь тайком, а штобы Урал не рассказал обо всем отцу, Шульген уговаривал и его испить крови: «Отец просто боится, што мы станем сильнее, щем он. Давай выпьем, Урал?»

Но Урал не ослушался – не притронулся к крови...

Как только Шульген испил запретного напитка, отцу сделалось плохо на охоте, и медведь разорвал Янбирде бок. Жизнь вытекала из отца и так бы и вытекла вся, если бы не верный Арслан. Он сразился с медведем и принес раненого Янбирде домой.

Его жена приложила траву на рану, напоила отваром и собралась готовить еду сыновьям. Но в тот день не было у них дици. «Сыновья мои, пойдите и проверьте силки, вдруг там наш ужин», – сказала она.

Урал и Шульген обошли гору и нашли белую Лебедь, угодившую в ловушку.

«Не убивайте меня, джигиты⁷! Ваш отец ранен, его может спасти живая вода. Отпустите меня, и я скажу, где ее искать». – «Она врет!» – закричал Шульген, он хотел свернуть шею птице.

Но Урал загородил собой птицу Лебедь. Братья подрались. Урал победил Шульгена и отпустил птицу.

Несмотря на большое крыло, она все же взлетела.

«Нужно идти дорогой птиц!» – крикнула Лебедь, скрываясь за верхушками деревьев.

Семья осталась без ужина, но Урал рассказал отцу про живую воду, и на следующее утро Янбирде отправил сыновей на ее поиски. Он выдрал из гривы верного Арслана шесть волосков, три отдал Уралу, а три Шульгену.

«Кому из вас первому понадобится помощь, тот сожжет три этих волоска, и Арслан прилетит к нему!»

Янбике замолчала.

– Они принесли ему когда-нибудь живой воды? – спросила Наиля.

– Нет, дощка. Не принесли. Он умер.

– Почему же ты раньше не говорила, что он умер?

– Так ты не спрашивала. – Янбике вытерла слезу со щеки.

– Что же было дальше?

– А дальше то самое место, где они жили, поцеловал Эрлик⁸, Шайтан по-местному. Он оцень любит, когда дети не слушаются родителей, любит, когда врут. В таком месте хорошо

⁷ Парень (башк.).

⁸ Эрлик – в тюркской и монгольской мифологии владыка подземного мира, высший правитель царства мертвых. Здесь:

полущается временная петля – Тэмук⁹. Пойдем, дощка, скотину встретим. Слышишь? Стадо идет!

Сытые коровы в золотом облаке мошек и пыли шли по улице, каждая в свой двор. А уставшие пастухи плелись в хвосте, изредка шелкая кнутами, чтобы бараны не бежали обратно в поле.

Янбике распахнула ворота, пропуская корову с бычком. А Наиля прислонилась к одной из створок, чтобы та не закрывалась, и по привычке погладила золотого лебедя по изогнутой шее.

– Ах! – вырвалось у нее. – Лебеди побелели, Янбике! Прекрасил кто?

– Што же это? – Янбике, забыв о скотине, удивленно разглядывала лебедей. Из золотого в них остались только короны.

Она вышла за калитку. Что-то казалось ей странным.

– У всех лебеди! – вскрикнула Наиля.

И в самом деле: на воротах дома напротив проступили белые лебеди. И в другом доме, что левее. И у того, что с ажурными ставнями. Все ворота стали одинаковыми: голубые с белыми лебедями...

– Это все Шайтан, пойдем в дом, балам¹⁰, – вздохнула Янбике и заперла калитку.

олицетворение зла – дьявол, черт.

⁹ Тэмук (Тэмүк) – бездна, преисподняя (*башк.*).

¹⁰ Балам – дитя мое (*башк.*).

Глава 3. Ходила по ягоды – женихов набрала

Наиля лежала под одеялом. Робкое раннее солнце заглядывало в комнату и щекотало веки. Просыпаться не хотелось.

Янбике хлопотала у печи, и Наиля слышала запах сдобы. Мимо кровати прошла бесей с мышью в зубах. Важная и невозмутимая кошка без имени. Она несла свою ежедневную мзду Янбике на кухню. На улице кто-то крикнул так громко, что звякнули стекла в оконной раме:

– Хозяева! Хозяева!

До Наиля донесся встревоженный голос Янбике:

– Кого еще там Шайтан принес?

Входная дверь скрипнула и захлопнулась. Сон слетел, словно ветром подхваченный лист. Наиля вскочила с кровати и прижалась к окну. Янбике тяжелой поступью шла к калитке, а у забора продолжали настойчиво кричать:

– Хозяева!

Наиля накинула шаль поверх ночной сорочки и выбежала во двор.

– У вас проживают дети дошкольного возраста, – сообщили снаружи, как только засов начал отодвигаться.

Калитка распахнулась, и Наиля увидела молодого парня в зеленой тюбетейке. Парень выпустил изо рта пар и посмотрел за спину Янбике, туда, где стояла Наиля.

– Как звать? – спросил он, снова выпуская пар – теперь из носа.

Наиля подошла ближе. Ей хотелось понять, откуда пар в конце августа, но Янбике жестом остановила ее. Хотя Наиля не дошла до посетителя, она почувствовала едкий запах. От него щипало глаза и было больно дышать. Боль хватала за горло и оседала в животе. Живот сжимался в комок.

– Это зачем? – спросила Янбике, шурясь.

– Мы ее в школу записываем. Ездить надо будет в Большой Тэмук. – Парень мрачно перевел взгляд с Наиля на тетрадь в руках.

Наиля вжалась в забор.

– Так положено! – добавил он безразлично.

Янбике кивнула, назвала имя Наиля. Парень не спеша записал его в тетради и поставил галочку напротив. Эта галочка словно давала ему право взглянуть на Наилю по-новому. По-хозяйски.

– Наиля идет в школу через четыре дня! Около того дома, – парень указал ручкой на дом с ажурными ставнями наискосок от дома Янбике, – в восемь утра ее будет ждать автобус.

Сделав, что должен, парень потерял к Янбике и Наиле всякий интерес. Он развернулся и направился на другую сторону улицы.

– Эй! Хозяева! Хозяева!

Янбике захлопнула калитку, но не отошла. К парню, выпускающему клубы пара, выбежал мальчик.

– Как звать? – спросили его.

– Закир, – ответил тот.

– Недавно прибыл. Хорошо. Через четыре дня в школу.

Янбике повернулась к Наиле.

– Ущёба – это неплохо, – сказала она, беря ее за руку. – Пойдем пить катык.

– Что за пар такой едкий? – спросила Наиля.

Янбике молчала, а уже у самой двери погладила Наилю по голове и сказала:

– Привыкай.

Дома она налила Наиле катыка и подала деревянную ложку:

– Ешь, балам.

На улице кто-то заиграл на гармонии, сначала тихо, а потом все громче и заливистей.

– Что это? – встрепенулась Наиля.

Янбике прислушалась, распахнула окно на кухне, выглянула.

– Сегодня же у Хабибуллиных дощка замуж выходит! Тошно. Дощку-то я с маленького знаю, а вот сын пришлый, ох, шую, не к добру...

Наиля тоже подошла к окну, но в узкий проем вдвоем с Янбике не протиснуться, и Наиля почтительно ждала, когда окно освободится. Однако Янбике, насмотревшись, окно закрыла.

– Нешего там смотреть, дощка.

– А как это – замуж выходить? – спросила Наиля, с тоской глянув на окно и возвращаясь к столу.

– Это как масло сливочное встречается с вареной крупой, и больше нет ни крупы, ни масла, а есть вкусная рассыпчатая каша.

Янбике отвернулась к печи, чтобы положить в кастрюлю с кипящим бульоном лук.

– А что дальше, Янбике?

– А дальше туй¹¹.

– Так у них там туй, – догадалась Наиля.

Янбике цыкнула, то ли из-за обжигающих жирных капель бульона, что брызнули из кастрюли, то ли от чего-то другого.

* * *

В Малом Тэмуке было непривычно суетно и шумно. Наиля ходила по саду вдоль кустов смородины и заглядывала в щели между штaketинами, чтобы получше рассмотреть двор Хабибуллиных. Там настезь распахнули ворота, расставили столы, покрыли их белыми скатертями. У входа сидел старик и играл на гармонии. Из дома к столам бегали женщины в платках. Выносили золотистые конусы баурхака¹², кувшины с каким-то питьем, каравай, вазочки с медом. Наконец, вынесли тазы с вареным мясом, рассыпчатой картошкой и капустой.

Вдалеке что-то зашумело. Через всю деревню к нарядному двору ехала рыжая машина, поднимая пыль с дороги. Когда она подъехала ближе, Наиля разглядела на бампере рисунок большого крылатого льва. Машина остановилась около старика, что играл на гармонии, и музыка умолкла.

Дверь открылась, оттуда выбрался человек. Голова обмотана белым тюрбаном. До пояса свешивается седая борода. Длинный белый халат туго запахнут на талии, так что было хорошо видно, как худ этот человек. Желтые скулы, словно из воска вырезанные, беспрестанно шевелились. Он что-то жевал, хотя никакой еды в рот не клал. Из дома выбежал сам хозяин:

– Хаумыхегез, эфенди!¹³

Он поклонился мулле¹⁴, протягивая обе руки для приветствия. Мулла эфенди ответил рукопожатием, и вместе они вошли во двор.

А машина захлопнула дверцу и, так же поднимая пыль, поехала дальше, в самый конец деревни, где виднелся хлев. Там машина исчезла из виду.

Появилась невеста. На смуглом лице ее едва проступал румянец, под черными густыми бровями – жгучие глаза. Смотрит с вызовом на подружек и на парней. Подружки в ответ дарят

¹¹ Туй – народное гулянье, здесь: свадьба (*башк.*).

¹² Бауырхак (*баурхак*) – различной формы кусочки теста, приготовленные в кипящем масле. Праздничная и ритуальная пища (*башк.*).

¹³ Хаумыгыз Эфэнде (*хаумыхегез эфэнди*) – здравствуйте, господин! (*башк.*)

¹⁴ Мулла – владыка, господин; служитель религиозного культа у мусульман (*араб.*).

ей восхищенные взгляды. А парни смотрят по-разному: кто-то маслено улыбался и подмигивал одним глазом, кто-то виновато разводил руками. Губы невесты цвета спелой вишни припухли немного от недавнего поцелуя с женихом. Упругая пышная грудь обтянута белым шелковым платьем. Сквозь тонкую ткань видно, как она вздымается от взволнованного дыхания.

Наиля осмелела и залезла на забор, чтобы удобнее было смотреть на туй. Невеста мельком посмотрела в ее сторону, и их с Наилёй взгляды встретились. Невеста вскрикнула:

– Убы́р!¹⁵

Хабибуллин тоже увидел Наилю и, подозревая к себе мальчишку, крикнул:

– Закир! Прогони-ка девку, сглазит.

Наиле совсем не хотелось, чтобы ее прогоняли, она торопилась уйти сама, но платье зацепилось за гвоздь в штакетине, и, пока она пыталась освободиться, мальчик подбежал ближе.

– Эй, – крикнул он, – тебе нельзя смотреть на ника́х¹⁶! Это плохая примета, когда убыр смотрит!

И для большей убедительности швырнул в Наилю камень. Тот угодил в колено. Больно до слез. Так и не освободив подола, Наиля спрыгнула в свой огород. Платье с треском порвалось. Закир замер, глядя на опустевший забор. А потом словно вспомнил что-то или почти вспомнил и снова закричал:

– Эй! Эй, ты живая там? Тебя же Наиля звать? Или Неля?

Наиля обиженно сопела за забором, ей больше не хотелось смотреть на туй.

– Ладно тебе, не дуйся, у меня просто сестра замуж выходит, никах у них, вон и мулла приехал из Среднего Тэмука. А тебе нельзя смотреть, вы с твоей бабкой ведьмы.

Наиля еще немного посопела. Откуда-то шел запах гнили, и Наиля подумала, что у них в саду весной умер суслик, и все лежит мертвый где-то под деревом. Мальчик не уходил, и тогда Наиля спросила его:

– А почему она решила пойти замуж?

Теперь засопел мальчик за забором. Наиля решила, он не хочет с ней говорить, однако тот ответил тихо, словно сомневался, стоит ли:

– Ну, как это «почему»? Ходила по ягоды, женихов набрала, я с ее платья всех повыбрал, а один, видно, остался.

– Как это «женихов набрала»? Их что, как ягоды в поле собирают?

– Да нет же, женихи – это репы. Примета такая: если к тебе репей пристал, значит, скоро у тебя жених появится.

– А сколько женихов у твоей сестры? – удивилась Наиля.

– Так... один. Репьев-то много может быть, а женихов много для чего? Все равно только на одном можно жениться.

– Ага, – согласилась Наиля.

– Ну, мне пора. А ты не смотри пока, ладно? Вечером, если хочешь, посмотри. Все напьются аракы¹⁷ и будут драться! Это куда веселее смотреть.

И мальчик убежал к себе. Снова зазвучала мелодия, но это была не гармонь, это пел мулла.

¹⁵ Ведьма, оборотень, колдунья (*башк.*).

¹⁶ Бракосочетание (*араб.*).

¹⁷ Водка (*тат.*).

Глава 4. Два лебедя

Урал и Шульген шли по пыльной дороге. Она вела их по выжженному солнцем полю. Вдалеке зеленел лес, звенел птичьим гомоном, дышал прохладой. Выдыхал легкий ветерок, и тот бежал по полю, обнимая ноги батыров, танцую в сухостое. Сухостой отзывался музыкой.

У развилки стоял молодой джигит. По истоптанной траве под его ногами можно было догадаться: джигит тут стоит давно.

– Хаумыхегез. – Урал поклонился джигиту и протянул обе руки для приветствия. – Путник, скажи, знаешь ли ты, как найти дорогу птиц?

Джигит пожал Уралу руки и улыбнулся.

– Дорогой птиц идут те, кто хочет найти источник с живой... – И неожиданно замолчал, переводя взгляд с одного брата на другого.

Шульген, не дождавшись, пока джигит закончит мысль, воскликнул:

– С живой водой! Мы ищем этот источник!

Джигит вздрогнул и закрыл глаза, будто вспоминая, чем же он хотел окончить фразу. Сделав глубокий вдох, он открыл глаза. Они у него были необыкновенные. Увидишь такие однажды и уже не сотрешь из памяти. Черные и тусклые. Будто земли в них насыпано. Джигит договорил оборванную фразу так, словно никто его не перебивал:

– ...водой. Источник там, где речной бык с государством на спине выбил его копытом из земли. Там, где много веков правит джо батши¹⁸ Азраки. Там, где золотая лестница подпирает небеса. Там, куда улетают птицы, окончив дела на этой земле...

Джигит невидящим взглядом смотрел в сторону, будто говорил о самом заветном, самом родном, что было в его жизни.

– По какой же из двух дорог нам пойти? – спросил Шульген.

Джигит удивленно обернулся, с него спало наваждение, и он сказал:

– Направо пойдете – на всем пути плач и стенания круглый год. Там Стан батши Катила. Налево пойдете – на всем пути днем и ночью веселье одно, там живут джо под защитой батши Азраки. А до источника с живой водой добираются не по земным тропам. Ищите да найдете.

Джигит неожиданно повеселел, подмигнул черным глазом Уралу и растаял в воздухе.

Шульген растерянно оглядывался, ища джигита, а не найдя, предложил Уралу тянуть жребий, кому идти направо, а кому налево.

Урал подобрал с земли две веточки, зажал их в кулак и протянул Шульгену. Кому достанется короткая, тот идет налево, кому длинная – направо.

Шульген вытянул длинную, но не смог достойно принять жребий.

– Это несправедливо! Я старший брат, как я скажу, так и будет! – зарычал он. – Я иду веселиться!

Урал не спорил. Он пожал руки Шульгена и пожелал ему найти источник с живой водой. Сам же пошел туда, где плач и стоны.

Было около полудня, но небо становилось с каждым шагом все темнее и темнее. Над высокой скалой, похожей на гигантского быка, небо совсем почернело. Вокруг этой неприступной скалы бушевала черная вода. Дорога заканчивалась мостом, но тот упирался в глухую скалу. Не было никакой лестницы, ворот или хотя бы маленькой дверцы. Урал провел ладонью по холодной стене и почувствовал, что скала эта вздымается легонько и снова опускается, будто дышит. Он прижался ухом и понял: скала плачет.

¹⁸ Диб – низшие духи в тюркской мифологии. Здесь: подданные Азраки. Батша – правитель в башкирской мифологии.

Долго ходил Урал с одного края дороги на другой, но так и не придумал, как же ему попасть внутрь. Тогда он достал из кармана три волоска Арслана и поджег их.

Где-то над головой у него закричали птицы. То были черный и белый лебеди. Черный клевал белого, и белый кричал, опускаясь на каменные выступы, пытался спрятаться.

– Что же это такое! – рассердился Урал.

Он выхватил стрелу и прицелился в черную птицу, однако стрелу отпустить не пришлось.

– Оставь, пустое. Это мираж. Ты видишь то, что было давно, тогда у него еще шаль была целой... – проговорил кто-то тихо.

Урал убрал лук и только тут заметил белую птицу, забившуюся в узкую щель в скале. Это была та самая Лебедь, что он спас дома.

– Летит твой Арслан, – проговорила Лебедь, указывая крылом в небо.

Глава 5. Обостренное обоняние

Первого сентября Янбике встала, как обычно, рано и пошла в сарай. Наиля, услышав, как она грохочет ведром, тоже вскочила с кровати, подхватила корзину и выбежала на улицу. На двор опустился туман. Зябко. Наиля раскрыла двери сарая и подперла крупным булыжником, чтобы проветрить. Внутри было тепло, пахло навозом. Янбике уже смазывала корове вымя.

– А, встала уже, дощка. Ишь ты, сегодня в школу-то, – сказала Янбике.

Наиля кивнула и пошла к насестам – собирать в корзину еще теплые яйца. Куры важно поглядывали на нее, то одним глазом, то вторым, и кококали, дожидаясь завтрака. Собрав все яйца, Наиля подошла к мешкам с комбикормом и зерном, набрала две горсти и высыпала курам. Те, тут же забыв о важности, принялись завтракать, отпихивая петуха. И петух, не теряя достоинства, отошел: мол, он и сам собирался уступить женщинам.

Пока Янбике доила корову, Наиля поставила у выхода корзинку и вышла к быку. Тот все лето прожил под навесом в загоне. Огромный, серый. Маленькой Наиле иногда казалось, что это не бык, а скала!

– Халляр?¹⁹ – спросила она у него, и тот лизнул ее в щеку.

От быка шло парное тепло. Наиля сняла с забора щетку и стала чесать быку перепачканные в засохшем навозе бока. Бык блаженно прикрыл глаза.

– Нравится? – засмеялась Наиля.

Она вычистила его всего и вынула из хвоста репьи.

– Ну где же ты умудряешься репьи находить? Невесты? – Наиля заглянула быку в карие глаза, обрамленные длинными ресницами, и вздохнула с сочувствием. – Понимаю, но ты можешь не стараться, сколько бы репьев ни набрал, невеста у тебя все равно одна будет!

– Айда, дощка, – позвала Янбике. – Скоро придет автобус.

– Сейчас приду! – крикнула в ответ Наиля.

Она повесила щетку на место, открыла загон, подставила старый ящик из-под гвоздей рядом с быком и запрыгнула ему на спину. Бык протяжно замычал и чинно вышел из загона. И так же чинно пошел по лугу. Наиля провела ладонью по прохладным рогам. Янбике называла его рога полумесяцем. А на ощупь они как камень.

Туман уже рассеивался: не опоздать бы в первый же день на автобус. Наиля спрыгнула с быка, отвела в загон и побежала домой.

Там ее ждала пшеничная каша со сладкой тыквой. И новое белое ситцевое платье. Запивая кашу горячим чаем, Наиля все думала про школу. Янбике сказала, у нее будет учительница – муглимэ²⁰, еще будут одноклассники – друзья. Никогда у Наили не было никаких друзей, только быки да корова.

– Поторопись, опоздаешь, – сказала Янбике.

Наиля спешно допила чай и поднялась из-за стола. Неясное предчувствие чего-то радостного заполняло ее, пока она надевала платье, обувала кожаные ботики, собирала волосы в косу. Пока бесей терлась о ноги. Оборвалось это предчувствие, только когда Янбике сказала:

– Мне кажется, дощка, шаль у тебя непростая. Когда будешь задыхаться, прикрой ею лицо.

И неясное предчувствие чего-то радостного сменилось таким же неясным предчувствием беды.

Во дворе пели птицы на все лады, цвели георгины у забора, жужжали мухи. Светлое свежее утро. Наиля, вымочив ботики в росе, пробежала к калитке. Оттуда махнула Янбике:

¹⁹ Хэллэр (хэллёр) – дела (*башк.*). Подразумевается вопрос: «Как дела?»

²⁰ Мөгэллимэ (муглимэ) – учительница (*башк.*).

– Я пошла!

На улице, единственной в Малом Тэмуке, редко можно увидеть людей, разве что вечером, когда скотину встречать. Сейчас по дороге к дому с кружевными ставнями шла сама Наиля. Дорожная пыль прилипла к влажной коже ботиков.

Шел Закир. Почти черный от загара – это из-за белой рубашки он казался таким черным. В руках он нес цветы. Мятые черные штаны были отчего-то с тремя стрелками на каждой брючине. На голове тубетейка прикрывает коротко остриженные темные волосы.

Шла еще апай²¹. Тесное ей клетчатое платье обтянуло рыхлое тело, волосы такие, словно моет она их в «Белизне», – желтоватые, тонкие, спутанные, а у корней черные. Очки в жирных пятнах у оправ, правое стеклышко треснуто. В левой руке апай держала тетрадь, обернутую прозрачной клеенкой. Она читала прямо на ходу. На тетрадной обложке была нарисована собака. В правой руке апай несла старый коричневый портфель.

Не успела Наиля дойти до нужного дома, как подъехал рыжий автобус. Он пыхтел и отдувался, словно живой. В кружочке на бампере крылатый лев. А на табличке сверху написано: «Большой Тэмук».

Апай, увлеченно читая, не взглянув на детей, зашла первая, заняла двойное сиденье, на одно села сама, на другое положила портфель.

Закир пропустил Наилю вперед и тоже прошел в салон. Автобус крякнул, закрывая двери, и поехал. Его не потряхивало на ухабах, словно он и не едет вовсе, а летит. Наиля впервые ехала на рыжем автобусе, хотя когда-то уже видела здесь такой.

Обтянутых кожей красных сидений было немного. Наиле хотелось посидеть на каждом из них. Она перебегала с одного кресла на другое, пока апай не прикрикнула:

– Сядь!

Бегать по автобусу расхотелось. Наиля выбрала место у окошка. И тут только почувствовала, что дышать тяжело. Откуда-то пахло гнилым мясом, смешанным с прокисшей медовой. Наиля стала оглядываться, чтобы понять, что же так пахнет.

Автобус резко остановился и распахнул двери.

Внутрь зашла девочка. Каштановые волосы небрежно лежали на плечах, из-под огромной кофты выглядывал край белой футболки. На ногах блестящие черные туфли с толстыми колодками на подошве. Наиля откровенно рассматривала туфли. А чтобы лучше видеть, немного пригнулась и подалась вперед.

– Что это ты там увидела? – поинтересовалась девочка.

Автобус легонько тряхнуло, и он плавно поплыл.

Наиля отвлеклась от туфель и посмотрела на девочку. Из носа у нее текли две дорожки зеленой слизи. До самого рта.

– Давай лучше подружимся, – предложила девочка, усаживаясь рядом.

– А что это у тебя такое из носа вытекло? – спросила Наиля.

– Ты чего, соплей никогда не видела? Хороша! – буркнула девочка, утираясь рукавом кофты.

Без соплей Наиля смогла рассмотреть соседку получше. На круглом смуглом лице близко посажены сердитые глаза. А чтобы не было соблазна думать, что глаза только кажутся сердитыми, девочка сильно нахмурила брови. В уголках пухлых губ засохла белая слюна. Девочка сказала, что ее зовут Азалия. Ее несвежее дыхание напомнило Наиле запах мусорной ямы в конце деревни. Люди, у которых не было кур и свиней, относили туда недоеденную кашу и картофельные очистки и другую ненужную или пропавшую еду.

К горлу подступила тошнота, Наиля отвернулась, забыв представиться.

Азалия обиженно шмыгнула носом.

²¹ Апай – уважительное обращение к тете, старшей сестре или односельчанке (*башк.*).

– Не хочешь, значит, дружить. – И без того нахмуренные брови сошлись на переносице.

Наиля спохватилась. Ведь сегодня у нее должны появиться друзья, так говорила Янбике.

– Хочу! Очень хочу! – крикнула Наиля, снова поворачиваясь к Азалии.

– То-то же, – удовлетворенно кивнула она. – Со мной все дружат. Ведь я дочка муллы.

А мулла приближенный Аллаха.

– А я недавно видела муллу, – обрадовалась Наиля, будто то, что она видела отца Азалии, делало их с Азалией ближе.

В Тэмуке много кто в Аллаха верит. Если это женщины, то они обычно платком голову повязывают и платья длинные носят. Так думала Наиля, однако Азалия сказала:

– Муглимэ наша тоже Аллаху поклоняется, если еще в другую религию не перешла, – и Азалия кивнула на апай с тетрадкой в руках.

– А как же платок? – шепотом спросила Наиля.

Азалия фыркнула.

– В свободные времена живем. Теперь уже необязательно, это раньше надо было, говорят...

Автобус снова остановился, вошли еще дети.

Воздух испортился настолько, что теперь Наиле казалось, что она лежит лицом в мусорной яме. Медленно подступала тошнота. Отхлынула кровь от лица, закололо в ногах, ослабели руки. Запрыгали черные мухи перед глазами. Наиля судорожно и бессмысленно глотала воздух, а тот, попадая внутрь, словно пытался проделать в животе дыру. Вот бы открыть окно... Азалию и всех других заволокло пеленой, Наиля прижалась лицом и ладонью к стеклу. Послышался визг и хруст трескающегося стекла. От ладони побежали по окну мелкие ручейки-трещины. Автобус встал. Хлопнули двери. В салон проникла струя свежего воздуха.

– Что происходит? – возмутилась апай. – Я тебя спрашиваю, автобус?

Автобус фыркнул неопределенно и даже как будто виновато и снова тронулся. Но дверей не закрыл. Наилю обдувало, и ей стало лучше.

* * *

Беленый дом, где была школа, прятался в золоте берез и ржавчине рябин. Автобус высадил пассажиров у покосившихся ворот. Наиля с наслаждением вдохнула хрустальный воздух сентября, рассматривая школу. Закир подошел к Наиле.

– Я говорил тебе, что меня Закиром звать? – спросил он.

Наиля перевела взгляд на Закира.

– Нет, кажется, не говорил. – Она снова услышала тот запах из сада. – Ты что, нашел суслика, что сдох в нашем саду, и носишь с собой?

Закир оторопел:

– Какой еще суслик?

Наиля начала объяснять, что в день никаха, когда они говорили с Закиром через забор, Наиле показалось, будто суслик... Но осеклась, не договорив. Дохлым сусликом пах сам Закир.

«Ой», – вырвалось у Наили. Черные мухи снова поплыли пред глазами, и она не смогла сдержаться подступающей всю дорогу тошноты.

– Фу, какая гадость, – сказали сразу с нескольких сторон.

Наиле стало легче, когда вся каша оказалась на земле. Закир брезгливо поджал губы и отошел подальше. Апай в клетчатом платье опустила очки на кончик носа и посмотрела поверх них на нарушительницу порядка:

– Ага, девочка Янбике. Наиля? Больной живот?

Наиля молчала, зловоние подступало со всех сторон, словно беря Наилю в плен. Муглимэ, не дождавшись ответа, велела детям разойтись с майдана²².

– Проходите в школу! Будто самих никогда не тошнило.

В школе ждал огромный человек. Его желтые клыки едва умещались во рту, и от этого человек походил на жирного хряка. Муглимэ называла человека директором.

– Хаумыхегез, эфенди! – поприветствовали директора дети и выстроились вдоль стены.

Муглимэ, которая представилась Лейлой Идрисовной, достала из портфеля небольшой латунный колокольчик и позвонила, возвещая о начале линейки.

Кольцо зловония сжалось на груди Наили, черные мухи непрерывно летали вокруг нее, кружилась голова. Она беспомощно прижалась к стене. Ее окрикнула муглимэ:

– Встань нормально!

Наиля понимала, что окрик адресован ей, но встать нормально не могла. И вовсе сползла по стене на пол.

Директор желтыми немигающими глазами зло глянул на Лейлу Идрисовну. Та, извиняясь, будто сама развалилась на полу, подошла к Наиле и вывела ее на воздух.

– Так и линейку сорвать недолго, девочка!

Наиля сидела на гладком булыжнике. Булыжник был из быстрой реки, что течет за деревней. Ими в Тэмуке любили обносить цветочные клумбы.

На улице пахло цветами, на руку Наиле опустился жучок с жесткими крыльями и, щекоча тонкими лапками, пополз по руке. Наиле пришла в голову странная мысль, она воровато огляделась и, убедившись, что совсем одна на майдане, понюхала жучка. Он ничем не пах. Дверь школы хлопнула, к Наиле подошла апай в белом халате и в таком же белом накрахмаленном колпаке.

– Я врач, рассказывай, – велела она Наиле.

Однажды Наиля куда-то сунула банку с катыком, и не могла вспомнить, где она. А когда Янбике нашла ее и открыла, то их с Наилей обдала смердящая вонь. У Наили тогда все нутро чуть наружу не вышло, до того противно было. И вот точно такая же вонь обдала ее и теперь, когда с нею заговорила апай.

Наиля беспомощно закрыла глаза и упала. Апай-врач подхватила ее на руки и уложила на лавку около двери.

Так и прошел ее первый день в школе. В первый день только линейка да один урок знакомства. И все это время Наиля лежала на лавке. А как все прошло, села с другими детьми в автобус и поехала домой.

Янбике ждала ее у ворот, словно корову с бычком из стада.

– Ну как? – спросила она, когда Наиля подбежала к ней.

– У меня обостренное обоняние! – сообщила Наиля радостно.

А радовалась она оттого, что теперь, около Янбике, ей так легко дышалось.

Муглимэ, уходя домой, погрозила пальцем Наиле, а Закиру сказала, чтобы мать ему назавтра выгладила брюки нормально.

²² Майзан (майдан) – площадь (башк.).

Глава 6. Подруги и женихи

На следующий день все повторилось. Автобус собирал детей по Тэмуку, и чем больше становилось народа в салоне, тем меньше там оставалось обыкновенного воздуха. Затем дурнота, мушки у глаз. Тошнота.

Наиля сидела в классе на тяжелом стуле. На парте лежала нетронутая тетрадь Наили, а сама она, сложив локти на подоконник, глядела в окно. Там плескалось сентябрьское солнце в мутных водах Старицы. А в коридоре муглимэ кричала кому-то:

– Да как же учить этого ребенка, если она постоянно теряет сознание, и ее без конца тошнит!

Ей что-то отвечал невнятный бас.

Дверь в классе приоткрылась, и муглимэ позвала:

– Иди-ка сюда, Закир!

Закир шумно отодвинул стул в сторону, выбежал из классной комнаты. Слушал, видно, какие-то инструкции, а потом побежал по коридору. Прогнившие половицы, спрятанные под тонким слоем линолеума, застонали.

– Хочешь искупаться? – к Наиле подошла Азалия.

– Прямо сейчас?

– Мы с Бибинур сейчас идем.

– Не хочу, – призналась Наиля. – Кто же купается в сентябре? К тому же в Старице.

– Мы вроде подружились вчера? – Азалия нахмурила брови и приблизилась к Наиле.

– Ага, – согласилась Наиля, пряча лицо, – подружились.

– Ну, так тебя подруга... – Азалия задумчиво посмотрела на муху, что медленно ползла по беленому потолку. – Может быть, даже лучшая твоя подруга, почти сестра зовет купаться. И если ты мне тоже подруга, то должна пойти.

В их классе было девочки и три мальчика. Муглимэ сказала, что это много, обычно бывает все-то два или три ребенка на класс.

Мальчики поймали солнечный луч увеличительным стеклом и, затаившись, ждали, когда парта под лупой нагреется настолько, чтобы запахло паленым.

Бибинур, похожая на жареный пончик, такая она была кругленькая и так лоснились ее руки и лицо жиром, открыла окно.

– Пойдем, – велела Азалия Наиле и перелезла через окно на улицу.

За ней и Бибинур. Наиля забралась на подоконник и постояла, разрываемая противоречием. Искупаться – это всегда весело, а с подружками, наверное, совсем дивно. Но ведь в коридоре стоит муглимэ, и когда она воротится, то продолжится урок.

Азалия сняла с себя кофту и снова позвала. Наиля решила и спрыгнула.

Девочки стояли у самого берега, от школы их загораживали кучерявые кусты шиповника.

– Ну же! – торопила Азалия. – Раздевайся.

Наиля медленно расстегнула пуговицы на вороте белого ситцевого платья. Вздохнула, сняла ботинки. Она все надеялась, что Лейла Идрисовна окрихнет их из класса, и подтвердить свою дружбу будет необязательно. Но вот она уже осталась в одной сорочке, а муглимэ так и не позвала их. Азалия в футболке и полосатых колготках ждала, сложив руки на груди. Пончик Бибинур все возилась с рубашкой.

– Фух, – выдохнула Наиля и прыгнула в Старицу первой.

Холодная стоячая вода обняла тоненькую маленькую Наилю. Наиля перевернулась на спину и раскинула руки в стороны. Наверху, в голубом небе летел косяк журавлей.

«Они летят дорогой птиц, – подумала Наиля. – Какая плохая вода в этой Старице».

Наиля встала ногами на илистое противное дно и вышла из реки. Девочек нигде не было, на берегу ее ждала муглимэ.

– Ах, что за засранка! То тошнит ее, то сознание она теряет, то, видишь ли, ей вздумалось искупаться посреди урока. Оденься, забери тетрадь и иди домой. Мы пока подумаем, что с тобой делать.

Муглимэ ушла. Наиля выглянула из-за куста: Азалия и Бибинур, одетые, сидели за партой и смеялись. Наиля не понимала: они просто не успели искупаться или специально так подстроили? Но больше ее заботило то, что нигде не было одежды: ни ее белого платья, ни кофты, ни любимой шали.

Первый стыд терзал Наилю. Просто стоять у всех на виду в одной лишь сорочке, прилипшей к телу, уже стыдно. Искать же свою одежду в таком виде казалось подобно смерти. Поэтому Наиля присела за куст шиповника, обняла худые колени и хотела ждать, пока закончатся уроки, а дети уйдут. Поднялся по-осеннему холодный ветер. Как же слаб и беззащитен человек без теплого платья! Если бы ее шаль оставалась при ней, то Наиля накинула бы ее на плечи и не чувствовала себя такой слабой.

На помощь пришел Закир. Он нес коробку с бумагой из машины директора и увидел Наилю.

Оставив коробку на лавке, подошел.

– Ты чего тут? Купалась, что ли? Не зря говорят, что ты чудная. Какой дурак посреди урока купаться пойдет, да еще и в сентябре!

Наиля не отвечала. Она с тоской перевела взгляд на желтеющую березу у школы. И обрадовалась: там висела ее шаль!

– Еще и хихикает! – Продолжая отчитывать ее, Закир обернулся и тоже увидел шаль. – Ах вон оно что...

Он ловко отыскал всю одежду и принес ее Наиле.

– Ну, одевайся теперь. Мне надо бумагу директору в кабинет отнести. – Закир подхватил оставленную коробку и убежал.

Только когда муглимэ позвонила в колокольчик с криком «перерыв», Наиля решила войти в класс за тетрадкой.

Азалия подскочила к ней, видно, давно ее ждала.

– Ты прости! Только мы собрались в воду, а тут муглимэ. Но теперь я знаю: мы как сестры с тобой. Приходи ко мне в гости после обеда!

Наиля устало посмотрела на Азалию. Ее знобило. И тошнило. Бывает стоячая вода, а бывает протухший и застоявшийся воздух. Дышать было не просто тяжело, а даже больно. И только теперь Наиле припомнились слова Янбике: «Мне кажется, дочка, шаль у тебя непростая. Когда будешь задыхаться, прикрой ею лицо».

Наиля взяла уголок шали, прикрыла ею лицо, и ей сделалось так легко!

Азалия нахмурила брови, твердя, словно в молитве:

– Приходи! Раз уж дружишь, так дружи как следует!

– Да, приду, я приду, – согласилась Наиля.

Она схватила тетрадку и выбежала из классной комнаты.

– Мы живем при мечети, от Малого Тэмука полчаса ходьбы, – крикнула ей вдогонку Азалия.

Наиля побежала домой. Шаль, брошенная на плечи, развевалась за спиной, словно связана была не из лебяжьего пуха, а из шелка. Она грела, она окрыляла. Наиля раскинула руки и стала представлять себя птицей. Белая птица Наиля! Лебедь? Не хватает лишь желтой короны. Мысли о короне рассмешили ее, и она успокоила шаг, теперь уже не бежала, а шла медленно и с наслаждением вдыхала чистый воздух, что жил здесь над полями, в верхушках елок и дубков.

Наиля толкнула свою калитку. Янбике качала воду во дворе, и та текла из шланга в бочку. Из бочки они напоят скотину, чтобы вода не студеная была.

Наиля подошла к Янбике.

– Дошка, откуда же ты? Ведь автобуса не было!

– А я сама пришла. Прилетела, – рассмеялась Наиля. – Как же хочется супа!

Янбике оставила ручку насоса.

– Ох, и не к добру же это, што сама пришла. Не к добру.

– Зато у меня теперь есть сестра! Азалия, дочь муллы. Она меня в гости пригласила сегодня.

Янбике покачала головой, но промолчала.

Они вошли в дом, и, пока Наиля мыла руки, Янбике достала из шкафа чистую тарелку и налила в нее горячий суп. Деревянной ложкой зачерпнула катык и положила туда же, сверху присыпала мелко нарезанным ароматным укропом.

– Это ты, знацит, в Средний Тэмук пойдешь?

– Угу, – согласилась Наиля.

Янбике завернула Наиле пирог, налила в бутылку айрана и поставила на лавку около Наили. С собой. На всякий случай.

– Што-то ты бледная, дошка. Румянца на щёчках нет.

– Это, наверное, оттого, что я в речке купалась и замерзла.

Янбике всплеснула руками: купаться в сентябре!

– Может, не пойдешь в гости-то? Далеко идти. Легла бы лутше?

Однако Наиля, полная решимости дружить как следует, после еды пошла в загон за быком. Когда взбиралась на могучую спину, обронила шаль. И, не заметив, ударила быка по бокам каблучками.

– На быке пойдешь? – снова всплеснула руками Янбике.

Наиля довольно кивнула. Да, на быке пойдет. Чего стоит бык, скучает?

Когда дошли до последнего, самого нарядного дома в Малом Тэмуке, бык остановился и с тоской посмотрел назад.

– Ну и что же ты встал? – Наиля легла на быка и потрепала за обвисшую кожу на шее. – Пойдем же!

Ясный день неожиданно раскис, посерел. И без того низкие тучи почти легли на вскинутые к небу ветки деревьев. Вернулся холодный по-осеннему ветер.

Бык постоял еще немного и все же двинулся вперед. Он медленно переваливался с боку на бок, а Наиля так и лежала на спине, чтобы было удобнее держаться.

Средний Тэмук встретил их оглушительным лаем: со всех сторон бросились к быку собаки. В Малом Тэмуке никто не спускает собак с цепей, и они не собираются там стаями.

Таковыми рогами, как у быка, можно запросто раскидать собак. Воздух заискрился от предстоящей схватки.

– Ой, что сейчас будет! – испугалась Наиля.

Но собаки неожиданно переменили настроение. Они заскулили, прижавшись к земле, и завильяли хвостами. Наиля тут же забыла, какими злыми были собаки, поделила между ними пирог, что дала ей Янбике.

– Пошли, – сказала она быку, слегка ударив его по бокам. Бык послушался. Они прошли мимо черной избы. На ее стенах кровоточили выцарапанные надписи: «Лиля + Рамиль», «Кадерле – лох» и другие, которых так сразу не разобрать. У загаженного крыльца валялись червяки окурков, пахло мочой. Сверху приколочены буквы: «К», «У» и «Б». «Л» валялась тут же среди окурков. Прямо за клубом возвышались минареты мечети. У мечети два входа: один для всех, кто хочет прочесть намаз, другой вел в жилище муллы.

Наиля постучала. Выглянула женщина в красном платке. Из-под ее фланелевого халата выглядывали худые желтые икры. С живым интересом оглядела она гостью. С еще большим интересом оглядела быка. И спросила ласково:

– Чего тебе, девочка?

– Хаумыхегез, апай, а Азалия дома?

Апай тут же потеряла интерес к Наиле, нахмурила брови, совсем как это делала Азалия, и сказала сердито:

– Спит она. В другой раз приходи.

И дверь захлопнулась.

Наиля узнала второй стыд в жизни. Неуместно стоять у чужого дома и ждать подачки в виде ласкового слова или приглашения войти.

Ветер все холодал, пронизывающие порывы обжигали сквозь тонкое платье.

– Домой! – крикнула Наиля быку.

И он, такой неповоротливый, медленно пошел прочь из Среднего Тэмука.

Мелкие градинки застучали по каменным рогам быка. Небесная туча разорвалась, и пошел холодный осенний дождь.

В Малом Тэмуке, у красивого дома Наилю окликнула незнакомая апай:

– Заходи скорее, простынешь!

Бык остановился. Наиля дрожала от холода. До дома оставалось совсем немного, но так хотелось в тепло, хотелось укрыться чем-то сухим. Наиля только теперь спохватилась, что где-то обронила шаль. И она спрыгнула с быка. К ней подбежал мальчишка с розовой язвой на щеке. Он схватил Наилю за руку и завел в дом. А когда отпустил руку, на ней остались полосы слизи. Наиля, забыв о холоде, понюхала эту слизь. Но не успела разобрать, чем же она пахнет.

– Входи же скорее! – сказала апай.

Наиля вытерла руку о подол платья и прошла в дом. Внутри было так же уютно, как и у них с Янбике дома. Белая скатерть на столе, мед в вазочке. Ажурные занавески на маленьких окошках. Половик, связанный из ненужных лоскутов. Апай протянула Наиле шерстяное одеяло в клетку. Одно лишь отличало этот дом от ее дома. Здесь не было воздуха. Так бывает в погребе весной, если не открыть на зиму вытяжку. И снова подступила тошнота. Стало больно дышать, а ядовитый воздух, попадая внутрь, раздирал живот.

Пока мальчик с матерью собирали на стол, а Наиля боролась с тошнотой, снова открылась дверь, и в дом вошел абзый²³. Это был директор школы.

Он повернулся к иконе, что висела над дверью, опустил руку – «Во имя Отца» – к животу, поднес ко лбу – «и Сына», коснулся левого – «и Святого» – и правого – «Духа» – плеча и низко поклонился. Перекрестился так трижды. Заметил гостью, и его желтые немигающие глаза повеселили.

– Кто это у вас? – спросил он у жены.

– Это ты у нас директор, тебе всех знать положено. На улице град, а ребенок мерз, – ответила апай.

Она разлила уже чай в чашки, а мальчик подле каждой из них разложил ложки.

Директор не узнал Наилю, но оно и неудивительно, ведь он видел ее совсем мельком.

– Ну, раз мерзла, пей чай. – Директор задумчиво рассматривал Наилю. – Красивая ты девочка, необычная, и волосы какие золотые у тебя... Не крашенные?

Наиля помотала головой, она сидела у окошка, и из щели в раме до нее доходило немного свежего воздуха. С тоской подумала Наиля о шали, как с нею легко дышалось! И где-то она теперь мокнет под дождем.

Директор довольно ответил сам себе:

²³ Абзый (абзый) – дядя (башик.).

- Вот, и волосы она не красит. Тебе, сын, надо на ней жениться!
– Что же, раз волосы золотые, так сразу жениться? – удивилась апай.

Мальчику затея отца, кажется, понравилась. Он робко взглянул на Наилю. Подумал о чем-то, снова взглянул, уже смелее. И наконец стал откровенно разглядывать бледную, мокрую Наилю, укутанную одеялом.

Директор тоже задумался.

– Ну а что, от природы таких волос не бывает. Как и черных лебедей. Будет у него жена диковинная.

О Наиле говорили как о вещи или скотине. Словно она безмолвная и безвольная. Но чтобы узнать имя человека, нужно обратиться к нему.

– Как звать-то тебя? – спросил директор.

Наиля назвалась. Лицо директора мгновенно обозлилось.

– Девчонка Янбике? – Сверкнув желтыми клыками, он бросил свирепый взгляд на жену.

Апай как раз резала хлеб и от взгляда этого, а может, от другого овладевшего ею ужаса случайно провела острым лезвием по пальцу, вскрикнув от боли. Сын, смекнув, что дело плохо, предложил Наиле проводить ее до ворот.

* * *

– Наиля, йаным²⁴, так ты выйдешь за меня? – спросил сын директора.

Узкую тропинку развезло после дождя, и теперь это месиво глины и грязи прилипало к обуви.

Наиля остановилась и принялась осматривать себя. Она искала, где у нее репей. Репья не было. В памяти всплыла Хабибуллина в белом платье. Ей подумалось, что и у Наили теперь губы цвета спелой вишни, как у Хабибуллиной, такие же притягательные, что и у нее пышная упругая грудь, обтянутая шелком. Вспомнилось, как бежала Наиля из школы и казалась ей ее шаль шелковой. И неясное ожидание радости подступило к горлу.

– Да, – сказала она.

Но радость тут же отступила, появилась невыносимая тяжесть, будто взвалили на нее мешок муки и велели никогда не ставить его на землю.

* * *

– Щая? – спросила Янбике, когда Наиля зашла в дом.

– Чая, – согласилась Наиля.

Она прижалась к стене. Дома так хорошо дышалось. Пахло мылом, порошком, душицей, мятой и супом. Пахло уютом.

Янбике подошла к Наиле и обняла ее.

– Плохо тебе?

– Очень, – согласилась Наиля. – Очень плохо.

– Как же ты могла шаль забыть на заборе, балам? Ты без шали по Тэмуку не ходи, дощка. Янбике уложила Наилю на диване, укутав одеялами.

И Наиля впервые узнала, что такое – заболеть.

Она пролежала на этом диване две недели.

²⁴ Йэнем (йаным) – душа моя (башк.).

Глава 7. Жена должна во всем помогать своему мужу

– Дощка, я пойду на поле – картошку выкопаю, а ты лежи пока, – сказала Янбике еще дремлющей Наиле.

За окном разгоралось солнце, и день обещал быть погожим. Наиля уже совсем оправилась от болезни. От слов Янбике она проснулась и сказала:

– Есть хочу!

– Ну наконец-то! – обрадовалась Янбике. – Позже тогда с картошкой-то. Идем, супом тебя накормлю.

И Наиля, предвкушая вкусную шурпу с лапшой, пошла к рукомойнику – умываться. С улицы кто-то крикнул:

– Хозяева!

Наиля вздрогнула – снова тот парень в зеленой тюбетейке. Она посмотрела на часы: семь утра.

– Шайтан тебя, – проворчала Янбике и пошла на улицу, открывать калитку.

Наиля тоже вышла и присела на крыльце, подставляя лицо утренним солнечным лучам. Сюда, до крыльца, от калитки доносился только неясный говор.

Наконец Янбике вернулась.

– Ишь ты, я еще не знала, што ты поправилась, а они уже знают. Ешь скорее суп, надо успеть на автобус.

И она помогла Наиле подняться, усадила за стол и налила Наиле жирный прозрачный бульон с лапшой.

Поев, Наиля собралась, махнула рукой Янбике на прощание и вышла за ворота.

На остановке уже стояли Закир и муглимэ.

– А, вот и Наиля поправилась, – безразлично заметила муглимэ.

Закир улыбнулся Наиле, она улыбнулась ему. Показался рыжий автобус с надписью «Большой Тэмук». Наиля вошла в салон, а как двери стали закрываться, в них протиснулся директорский сын. Автобус, как ни давил дверями, оказался бессилем. Он вздохнул, сдался и открыл дверь.

– Тебе с нами нельзя, – сухо сказала муглимэ директорскому сыну.

Будто это не она так заискивающе говорит с его отцом в школе.

– Да мне и не надо, – отмахнулся директорский сын. – Мне с Наилёй надо поговорить.

Автобус нетерпеливо подрагивал, стоя на месте, муглимэ с Закиром внимательно наблюдали из окна. Наиля, спрятав лицо в шали, слушала. Сын директора просил Наилю прийти к нему на поле после школы, пока отца дома не будет, и помочь с картошкой. Будущая жена во всем должна помогать мужу. А Наиля ведь хочет быть хорошей женой?

Наиля, которой недавно казалось, что она совершенно здорова, снова стало нехорошо. Грудь сдавило, закружилась голова. Она пробормотала, что придет на поле, забралась в автобус, и там ее стошнило.

– Нет! – воскликнула муглимэ. – Это невозможно! Директор предоставил мне решать, что с тобой делать. И я вот только что решила. Иди-ка ты домой, девочка!

И муглимэ выставила Наилю на улицу.

Сын директора обрадовался.

– На картошку! Йаным!

Он действительно подхватил Наилю за локоть и повел к своему двору.

На картофельном поле было тихо, жужжали мухи, летали мошки. Наиля подошла к ближайшему кусту, он тихо покачивался от легкого ветерка; по зеленому стволу лениво полз коло-

радский жук. Директорский сын, который до сих пор так и не называл своего имени, дал Наиле лопату.

– Ты начинай. А я скоро вернусь, – сказал он.

Наиля вонзала лопату, послышался хруст, в земле показались обрезанные клубни. Она присела и стала разрывать черную землю руками. Перепачканные обрезки клубней Наиля бросала в ведро, и они с грохотом падали. Обычно картошку копала Янбике, Наиля ее лишь собирала в ведро и относила в большую кучу в середине поля. А потом они из этой кучи наполняли мешки.

Лопата для нее была слишком велика. Земля забила в невысокие ботики, ведь обычно на огород ходят в сапогах.

Она старалась. Изю всех своих сил старалась. Вонзала лопату, слышала хруст загубленной картошки и страдала с каждым клубнем, что вот так бессмысленно он вырос, а она его теперь – лопатой.

Полуденное солнце припекало – как будто и не бабье лето вовсе. На лице выступила испарина. Кругом вились надоедливые мошки, лезли в глаза, в нос. А стоило на секунду приоткрыть рот, как они оказывались и там.

Наиля прокопала две борозды. Наполнила ведро перепорченной картошкой. Сын директора все не возвращался. И казалось, что время замерло.

Она тоскливо посмотрела на дорогу и увидела там свою Янбике с авоськой – та, видно, в магазин ходила.

– Янбике!

Старуха долго оглядывалась по сторонам, все искала, откуда голос. И Наиля снова закричала, а потом еще и еще, пока Янбике наконец не увидела свою Наилю. Она всплеснула руками и поспешила во двор к директору.

Наиля стояла измученная, вся в черной земляной пыли, смешанной с потом, и размазанными по лицу мошками. Дождавшись Янбике, бросила лопату и побежала к ней.

– Накопалась? – спросила Янбике.

И Наиля начала торопливо объяснять.

– Сын директорский замуж меня позвал! – Тут она всхлипнула, и сбилась. – Кажется, на мне нельзя жениться.

Янбике обняла Наилю.

– Глупости, тебе семь. Рано об этом думать.

– Знаешь, Янбике? Это не глупости! Будущая жена должна во всем помогать мужу – копать картошку, например. И это значит, что я не смогу стать ничьей женой. Потому что я вообще ненавижу картошку теперь.

Около ворот остановилась машина. Из нее вышел директор. Они с Янбике встретились взглядами. Желтые немигающие глаза смотрели так, словно хотели испепелить и Янбике и Наилю.

– Что ты делаешь на моем картофельном поле, старая убыр? – спросил директор.

Янбике не проронив ни слова, взяла Наилю за руку и повела к выходу.

Директор ждал, когда посторонние покинут его двор.

Янбике хранила молчание до самого дома, и только там сказала:

– Я, когда нашу картошку копала, гляжу, а у нас такая тыква уродилась! Мы с тобой сейчас одну нарежем. Тыква, она што девица. С нею много надо повозиться, пока ее сладкой рыжей мякоти в каше поешь... Запомни, дощка. Девица, она не помидор, не картошка; девица – она тыква.

Дома Янбике сняла с Наили всю одежду и сложила в таз для стирки.

– Приходил этот, што с паром изо рта, – сообщила Янбике. – Сказал, будешь ушитесь здесь, прямо у учительницы дома.

Глава 8. Гульстан

Урал поднял Лебедь, и вместе они сели на Арслана. А когда взлетели высоко-высоко, то увидели Стан батии Катила.

Черный каменный город, обнесенный высокими стенами. Знамена с изображенным на них черным вороном колыхались на ветру.

– Какое страшное место, – прошептала Лебедь. – Мой брат его создал! Это он сделал Катилу таким жестоким. Зимой Катил сжигает здесь сотни джигитов и топит в колодце сотни девушек. Он говорит, это подарок Тэнгри! Но Тэнгри не нужны такие подарки! Тэнгри хватило бы быка.

Это место вызывало лишь одно чувство – чувство безысходности.

Их заметили лучники, они выстроились на городской стене. Воздух разрезал свист тысячи стрел.

Арслан взвыл и камнем бросился вниз. У самой земли замедлился и полетел плавно вдоль черной реки.

Они спешили у леса на краю темной стороны, но не вошли на светлую. Лев, оставшись без седоков, забегал словно змея, что ест свой хвост.

– Хорошо бы уйти из карангы тун²⁵, – предложил Урал Лебеди.

Лебедь же вместо ответа подошла ко льву и здоровым крылом провела по его лапе. Из лапы торчала стрела.

Урал кинулся вынимать стрелу. Он оторвал от своего грубого платья подол, чтобы перевязать лапу.

– Нельзя мне, Урал. Под черным небом Эрлика я в безопасности.

Лебедь обернулась вокруг себя, взмахнула руками и превратилась в девушку необыкновенной красоты. Она выдернула из косы золотой волос и бросила его на светлую сторону. Волос вспыхнул, а с неба к нему протянулся солнечный луч, словно сам Тэнгри тронул волос железным посохом.

– Вот по этим лучам жадные до власти женихи меня найдут, если выйти на светлую сторону. На меня, словно на дичь, охотятся батии Каххаха и Азрака.

Не знал Урал, что перед ним сама Хумай, внучка небесного Тэнгри. Не знал, что в приданое ей уготован тимер казык²⁶ Тэнгри. Не знал, но готов был сразиться с целым миром, а не только с Каххахой и Азракой, чтобы взять ее в жены.

До поздней ночи провозился Урал, устраивая решетки для кибитки и покрывая их кошмами. А Хумай сидела у льва и напевала ему что-то на непонятном наречии.

– Посмотри на ту йондыз баи осонда гына тора²⁷, – указав на небо, сказал Урал. – Уже полночь. Нужно ложиться.

Он проводил Хумай в кибитку и, пожелав хороших снов, добавил:

– Как только вы с Арсланом будете здоровы, мне нужно попасть к батии Катилу. Ты ошибалась, думая, что к источнику с живой водой можно просто прийти. Он появляется перед тем, кто ищет.

Хумай ничего не ответила и зашла в кибитку.

Так и зажили. По утрам Урал уходил на охоту на солнечную сторону. Там пестрели полевые цветы, благоухали сочные ягоды, пели птицы, пищали суслики. А возвращаясь, при-

²⁵ Карангы төн (карангы тун) – темная сторона, где никогда не бывает солнца (башк.).

²⁶ Тимер казык (тимёр казык) – железный посох, название Полярной звезды (башк.).

²⁷ Посмотри на ту звезду прямо над головой (башк.).

носил Хумай букеты и ягоды. Хумай готовила еду и ухаживала за Арсланом. Его лапа никак не заживала, хотя сама Хумай давно поправилась.

Кто знает, как именно Урал звал в жены Хумай, и кто знает, как та давала согласие. Но скоро они были уже семьей.

Хумай, глядя из кибитки на солнечную сторону, говорила, что это их с Уралом Гульстан²⁸.

*Когда же сумерки стали красными²⁹, а листья на деревьях пожелтели, Хумай сказала:
– Если не отрезать лапу, Арслан умрет.*

Как ни было это тяжело, резать лапу верному другу, но Уралу пришлось.

²⁸ Гульстан – цветущий край. Поэт Шайхзада Бабич, с одной стороны, называл прекрасную башкирскую землю Гульстан (страна цветов), с другой – тут же сравнивал ее с кладбищем (Гурстан).

²⁹ Кызыл энэр (кызыл энёр) – красные сумерки. Здесь: осень (башк.).

Глава 9. Тэмук в кривых зеркалах

С тех пор Наиля училась по субботам. И семь лет пронеслись как одна ночь, и за эту ночь Наиля поспела, словно тесто в чане у теплого бока Янбике.

Она научилась читать и считать. Прочла все книги, что были в доме муглимэ: «Тэмук в кривых зеркалах. Правда, которую от нас скрывали», «Кому ты продаешь свою душу: Будде, Мухаммеду или Христу?», «Язык Тэмука неповторимый и единственный», «История автобусов. Фрики против ученых», «Все зависит только от тебя. Мысли позитивно!», любимые комиксы муглимэ «Бесей хэм эт»³⁰.

Узнала, что если встать в полдень спиной к солнцу и расставить руки в стороны, то впереди будет юг, а позади север, левая рука укажет на восток, а правая на запад.

Муглимэ рассказала о туманных холмах: это самый край всего живого, за ними густой непроходимый туман, и все, кто будет так безумен, что решится туда пойти, сам превратится в туман.

Янбике не спорила с тем, что знала теперь Наиля, она только говорила, что в этом тумане живет Тэнгри. Строгий и справедливый. Их с Наилёй бог. В Тэмуке про Тэнгри мало кто говорил, разве что муглимэ.

Сама Наиля поняла, что она не такая, как все. Не была она смуглой и чернобровой, как другие девушки, как Азалия или Бибинур. Глаза слишком светлые: золотистая охра, а не как у Закира или муглимэ – черные. Слишком худенькой и маленькой оставалась Наиля к четырнадцати годам. И волосы. Словно они и не волосы вовсе, а проволока тонкая или другой какой металл, золото? Тяжелые, слишком светлые, они пугали людей. За волосы считали Наилю убыр, а за обостренное обоняние не хотели иметь общих дел.

Азалия, так и не научив Наилю дружить как следует, затею эту бросила и дружила как следует с сыном директора. Приходила каждую субботу из Среднего Тэмука к ним в дом и помогала его матери по хозяйству.

Наиля не забывала данного директорскому сыну обещания выйти за него, но совсем не чувствовала себя маслом, что тает на вареной крупе. И надеялась, что обронила тогда свое детское согласие не всерьез. Разве относятся люди серьезно к детским словам?

Янбике оказалась права: шаль у Наили действительно была непростая. Наиля и в жару и в холод набрасывала ее на плечи, и если дышать становилось нестерпимо больно, то прикрывала лицо уголком, и случалось чудо – воздух очищался.

* * *

Стоял морозный солнечный день. Суббота. До нового года оставалась неделя, у директора и его семьи сегодня Рождество, у Янбике и Наили – Нардуган³¹, день рождения Тэнгри.

Наиля не любила этот день. Ей каждый год было жалко быка. Ну и пусть, что они его потом весь год едят. Все равно она не любила, когда их режут.

Наиля выбралась из постели, зябко кутаясь в большую вязаную кофту Янбике. Встала босой ногой на холодный деревянный пол и тут же отдернула ногу, спрятала обратно под одеяло. Наклонилась и нашла обрезанные валенки, обула их и пошла на кухню.

Янбике еще спала. И Наиля, не дожидаясь ее, оделась, разожгла печь, поставила чайник на плиту, взяла подойник и вышла во двор.

³⁰ Бесей хэм эт (бесей хэм эт) – «Кошка и собака» (баик.).

³¹ Нардуган – языческий праздник рождения Солнца у тюркских народов.

За ночь намело снега. Чтобы добраться до сарая, нужно было вычистить двор. Наиля взяла лопату и принялась за работу. Сорочка намочила от пота, и, когда Наиля вскидывала лопату, морозный воздух пробирался по сырой ткани внутрь, под тулуп.

Пока Наиля чистила снег и доила корову, Янбике поднялась и приготовила кашу. Пахло свежесваренным чаем с мятой.

– Ешь да на урок иди, к муглимэ, – проговорила Янбике, подавая ложку Наиле.

Той никуда не хотелось идти, но она накинула шаль поверх тулупа, надела рукавицы и вышла из дома.

За воротами лежали глубокие сугробы. Наиля пошла, проваливаясь по колено в снег и радуясь, что у нее такие высокие валенки. Соседи иногда собирались и вместе чистили общие тропки, после чего непременно пили, громко осуждая разных богов за то, что наслали на них такую пургу ночью. Могли и подраться, окропляя вычищенные тропки бурой кровью, а потом шли по домам.

У Хабибуллиных за забором стоял Закир с лопатой и сверлил Наилю взглядом. С тех пор как она перестала ездить в школу, Закир с нею не заговаривал, но всякий раз, как она шла по улице, – смотрел на нее, то из-за развевающегося тюля в дверном проеме, то из-за забора. Летом, когда Наиля выводила утром скотину в табун и сталкивалась с Закиром вплотную, он смотрел на нее еще сосредоточеннее, чем обычно, но по-прежнему молчал. Когда-то Наиле казалось это молчание наказанием или проклятием, но теперь она совсем не замечала, что он молчит.

Муглимэ жила через пять домов от Наили, почти в конце деревни. Наиля открыла калитку и вбежала на крыльцо, как обычно, пару раз постучала и открыла дверь.

– А, пришла, – сказала Лейла Идрисовна тускло. – Ну и мороз сегодня. Проходи в спальню.

– Холодно, – согласилась Наиля.

– Зимний селля³² ломает быку рога, после этих морозов пойдет к потеплению.

Обычно они занимались на кухне, но сегодня там весь стол был заставлен тазами.

– Прочитала свежий выпуск «Бесей хэм эт»? – спросила Лейла Идрисовна.

Наиля поехала. Окно было закрыто, и Наиля подошла к нему ближе, чтобы Лейла Идрисовна не забыла его открыть.

– Они же детские, и мы с вами их все давно прочли, – ответила она.

Муглимэ открыла форточку.

– Так хватит? Намерзлась что-то сегодня. Кишки бараньи на улице мыла, – призналась Лейла Идрисовна. – И чего я этого барана, как все нормальные люди, в октябре не зарезала?

Наиля села к столу.

– Новые выпуски вышли, для старшего возраста. – Муглимэ достала с полки три журнала с картинками. – Вот этот, например, о том, как собака убила кота. Очень изощренно, надо сказать.

– Убила? – переспросила Наиля.

– Не переживай ты так! В следующей части кот снова живой, – успокоила ее Лейла Идрисовна. – В следующей части они поженились и у них родились уродцы.

Муглимэ отложила журналы в сторону. И Наиля увидела на столе мелко исписанную раскрытую тетрадь. Ту самую, с собакой.

– Что это у вас? Собака? – спросила она.

Муглимэ не сразу поняла вопрос.

– Ах, это? Это волк. Не собака. Я пишу роман об Урал-батыре. Нашем спасителе...

Наиля вспыхнула, услышав знакомое имя.

³² Селлә (селля) – самый холодный и самый жаркий периоды года (башик.).

– Об Урал-батыре? А... а можно почитать?

– Мм, да, пожалуй, ты в самом деле почитай пока, а я займусь кишками.

И муглимэ протянула Наиле тетрадь.

Глава 10. Смерть батши Катила

В ночь, когда батша Катил приносил в жертву сотню джигитов и сотню девушек, он искал и жениха для своей дочери. Каждый год нового. Дочь больна, и ее мужья до следующего года не доживали.

Как понять, что в Стане Катила вечер? Зажигают вечерние фонари. А как понять, что наступает жертвенная ночь, день рождения Тэнгри? На майдане горит особый костер. Но это не все. В эту ночь оживает бык, на котором стоит Стан Катила.

Бык ревел и бил копытом скованную зимой черную реку. Мягко падали пушистые снежинки. Между каменными обледеневшими стенами стонала стужа.

На троне сидел сам батша, а его дочь носили в паланкине мимо толпы. Она, пряча под платком обезображенное язвами лицо, выглядывала в толпе будущего мужа. Увидев Урала, она велела носильщикам остановиться и подвести его к ней. Тот подошел, и дочь батши протянула ему алое яблоко.

– Она дала ему яблоко, – прокатилось по толпе.

Люди с сочувствием смотрели на батыра с яблоком. Урал же надкусил сочное яблоко и бросил в толпу.

Толпа зашумела. Неужели кто-то осмелится не пойти на проклятое ложе? Ни батша, ни его дочь не обратили внимания на брошенное яблоко. Дочь велела нести ее в покои, а батша велел выводить жертв.

Вывели связанных обнаженных девушек и подвели к колодцу. Вспорхнули, оживившись, вороны с городских стен и расселись у колодца. Скоро будет вороний пир.

Вывели связанных обнаженных джигитов и поставили вокруг костра. Этим съест огонь, а воронам останутся только кости.

К Уралу подошла стража, желая увести его в покои. Урал выхватил кинжал из-за пояса: сражаться. Но вместо кинжала в руках его оказался тимер казык.

Увидев страшное оружие, батша приказал спустить Урала к подножию, чтобы он сразился с его быком. Батша хотел, чтобы бык растоптал нерадивого батыра.

Сверху, в тусклых всполохах жертвенного костра, было видно только, как взметнулся свет от посоха.

Рухнул исполинский бык на лед черной реки.

Над Уралом прошепестела холодная змея, обожгла его своим дыханием.

Раздался крик Хумай на границе темной и светлой сторон:

– Ура-а-а-а-а-ал! Спаси нашу дочь!

Не все люди в Стане Катила погибли сразу.

Дочь батши, умирая, призвала к себе воинов, что спускали Урала вниз и потому остались невредимы.

– Убейте Урала или ту, что кричала. А лучше – убейте ребенка. Клянитесь Тэнгри!

Воины достали из колчанов стрелы, и главный из них заговорил:

– Тэнгри всемогущий, мы призываем тебя в свидетели нашей клятвы. Клянемся не успокаиваться и искать, пока не найдем Урала, его жену или ребенка. А когда найдем, клянемся, что убьем!

Все разом воины лизнули наконечники своих стрел и вернули стрелы в колчаны.

Успокоенная, дочь батши закрыла глаза и откинулась на чье-то мертвое тело, залитое кровью. Край платка попал в кровь и окрасился. Мягко падали пушистые снежинки на багряное поле. Выла стужа среди красных камней.

– Что, понравилось, Наиля? – оборвала чтение муглимэ. – На сегодня достаточно. Ступай домой, придешь после Нового года. Я пирожки с ливером сейчас жарить буду.

Наиля отложила тетрадь.

– Но откуда вы все это знаете?

– О-о-о, ко мне приходит глас, – серьезно сказала муглимэ. – Нет, правда, я вижу его во сне.

– Кого? Урала?

– Да нет же, не Урала. Эрлика!

Наиля всплеснула руками, совсем как это обычно делала Янбике.

– Шайтана?

Лейла Идрисовна не поняла, и Наиля объяснила, что у Эрлика есть второе имя: Шайтан.

– Ну, не знаю. Шайтан – не Шайтан...

– А зачем Эрлик хочет, чтобы вы это записали?

– Слушай, он мне говорил, но у меня память такая дырявая...

– Но как же вы тогда это все запоминаете?

Лейла Идрисовна любовно погладила тетрадь.

– Я прямо во сне пишу. Через проводника! Это и называется глас свыше. Я мечтаю издать эту рукопись.

И учительница испытующе глянула на Наилю. Смотрела, какой эффект производят ее слова.

– Ну, так издайте, – согласилась с ней Наиля.

– В нашем мире рукописи издаются только через постель, – вздохнула муглимэ. – Неужели ты не понимаешь, какие теперь нравы!

Наиля задумалась о постелях и рукописях. Ей хотелось понять, зачем Шайтану нужно, чтобы муглимэ писала об этом?

– А можно вашу рукопись дома дочитать? – спросила Наиля.

Лейла Идрисовна прижала тетрадь к себе, закрыла глаза и сказала:

– Я вспомнила, я вспомнила, что он мне говорил!

– Кто?

– Да Эрлик же! Сейчас, подожди. Он говорил про тебя! «Когда твоя ученица станет взрослой и умрет ее старуха, ей нужна станет живая вода, вот тогда-то и отдай эту тетрадь ей!» Да! Так и сказал. Точно... – Лицо Лейлы Идрисовны пошло бледно-зелеными и красными пятнами. – А ведь я мечтала, что будет у меня моя собственная книга, такая же популярная, как «Бесей хэм эт». Что ж это получается: писала я, а отдать надо тебе? – Последние слова муглимэ почти выкрикнула.

Она вскочила на ноги, и из глаз ее брызнули искры. Муглимэ шумно выдохнула мутным, горячим паром. Надулась и выросла до потолка. Наиля испуганно наблюдала за ней. Люди бывают страшными.

Однако муглимэ неожиданно сдулась и спокойно, будто надуваться и сдуваться у нее обычное дело, протянула тетрадь Наиле.

– И все-таки если бы тебе это когда-нибудь удалось издать, я была бы очень благодарна и поминала бы тебя на вечернем намазе...

Наиля осторожно взяла тетрадь, потянулась за журналами.

– И их можно?

– Нужно. Прочитаешь за каникулы.

Наиля оделась.

– А где издают книги? Где печатают этого «Бесей хэм эт»?

Лейла Идрисовна подошла к окну, закрыла форточку. По ее щекам текли слезы.

– Или в Большом Тэмуке, или в кала³³ Тэмуке. Точно не знаю. Наверное, мне не положено об этом знать.

Наиле стало стыдно от этих слез муглимэ. Совсем как в том далеком сентябре, когда Наиля стояла в одной мокрой сорочке у Старицы. Она хотела уже отказаться от рукописи, сказать, что не имеет права забирать. Но эту мысль перебила другая: муглимэ сказала, что Янбике умрет! «Когда умрет старуха». Знает ли Лейла Идрисовна, сколько лет Янбике? Янбике жила на этом свете всегда, и Наиле думалось, что она бессмертная.

Муглимэ подтолкнула Наилю к выходу и закрыла за ней дверь.

³³ Кала (кала) – город (*башк.*).

Глава 11. Аджаха

Наиля задумчиво ходила из кухни в комнату и обратно. Она уже пролистала журналы. В одном эпизоде пес хочет сбежать от кошки, но кошка держит пса за задние лапы, а потом хватает накидку с подушек и душит бедного пса. Неприятные истории. Неприятные картинки. Почему они так нравятся муглимэ? Наиля выглянула в окно и вспомнила, что не нарубила дров для бани. Накинула тулуп и вышла. Березовые чурки лежали под навесом, там, где летом жил бык. Нарубить их все разом сложная задача для девочки и старухи. Поэтому Наиля брала за раз четыре полешка и колола на одну баню.

Чурки отсырели и плохо поддавались, но Наиля привыкла. Она расколола полено на две части, а потом каждую половинку еще на две. Из головы не выходили слова Лейлы Идрисовны: «И все-таки, если бы тебе когда-нибудь удалось это издать, я была бы очень благодарна». И ее слезы. И надо же, дома Наиля не притронулась к рукописи. Хотя слонялась без дела, а так и не вспомнила о ней.

– Дощка! Идем щай пить! – позвала Янбике.

* * *

После чая Наиля подошла к телевизору, поискала пульт. Пульта не было.

– Шайтан, Шайтан, поиграл и отдай, – сказала она и села ждать. Пока отвлеклась на кошку, что потерялась о ее ногу, на тумбочке откуда-то взялся пульт. Наиля удовлетворенно кивнула и включила телевизор.

Сквозь серую рябь проступил рыжий автобус со львом на бампере. На лобовом стекле написано «Кала Тэмук». Он был настолько живым, что Наиля даже отодвинулась, боясь, что автобус выскочит из телевизора и врежется ей в живот. Но он не выскочил, он исчез, а экран погас.

Словно подчиняясь чужой воле, Наиля взяла в руки журнал и начала бездумно листать его. На последней странице обнаружилась надпись: «Издательство „Аджаха“» и адрес. Наиля несколько раз перечитала название. Аджаха – это дракон, или змей. Говорят, если встретишь хоть раз в жизни белого змея, то всегда будешь счастлив. Наиля и так счастливая, у нее есть Янбике, чистый дом и скотина. А Лейла Идрисовна? Кажется, сегодня Наиля забрала у нее то, что делало ее счастливой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.